

Е. Н. Ищенко
СОВРЕМЕННОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО:
К ВОПРОСУ О «НОВОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»*

Осмысление современности, ее хронологических границ и концептуальных оснований является одним из центров проблемного поля философии и гуманитарных наук. Разумеется, можно сказать, что наличное состояние общества и культуры во все времена вызывало повышенный интерес современников. Однако способы и формы рефлексии по поводу настоящего в его связи с прошлым и будущим существенно отличались на разных этапах человеческой истории. Мы оставляем в стороне хорошо известный, даже несколько заезженный сюжет противопоставления представлений о «золотом веке», скрывающемся в миражах прошлого, и прогрессистского убеждения о неизбежности «лучшего будущего». Нам хотелось бы остановиться на проблеме выбора образа определенной историче-

* © Ищенко Е. Н., 2018.

ской эпохи, который позволяет выстроить контуры настоящего и будущего, становясь своеобразным «зеркалом» современности.

Если обратиться к анализу дискурса о современности, то повышенный интерес к Средневековью буквально бросается в глаза. Исследования различных аспектов Средневековья помимо решения сугубо частнонаучных или междисциплинарных задач отражают, на наш взгляд, специфический запрос, вызревающий в культуре, связанный с поиском новых стратегий интерпретации происходящего «здесь и сейчас». Выход за границы сложившейся дисциплинарной матрицы, связанный, в том числе, и с визуальным поворотом в культуре, расширяет рамки исторических исследований, способствует трансформации проблемного поля, возникновению новых методологических программ. Образ Средневековья, складывающийся в рамках отдельных научных дискурсов, постепенно начинает концептуализироваться в качестве одного из возможных оснований для понимания современности.

Современная медиевистика, все чаще подчеркивающая актуальность собственных исследований, фокусируется не только на акцентировании значения средневекового наследия для культуры, но и на выявлении «остатков», «следов» Средневековья в политических, социальных, повседневных практиках. Между тем, можно выделить некоторые генерализующие тематизации в частнонаучных и междисциплинарных исследованиях Средневековья. Одной из них является работа с теми стереотипами, которые до такой степени прочно вошли в культурный контекст, что имеют свойство воспроизводиться, несмотря на изменение внутринаучной и социокультурной ситуации. К примеру, с точки зрения О. Г. Эксле, «потребность современной эпохи – разобщенной, фрагментарной, разъединенной, бедной на смыслы, даже ущербной – противопоставить себя «единой средневековой культуре» – а именно это обычно и происходит, явно свойственна самой Современности»¹. Истоки такого истолкования коренятся в предубеждениях модерна, против которых, как он справедливо отмечает, в свое время резко выступал М. Вебер. Эксле хочет подчеркнуть, что современные исследователи зачастую слишком вольно обращаются с конструированием картины прошлого, исходя, в том числе из потребности заполнения тех смысловых лакун, которые явно или неявно присутствуют в самосознании нашей эпохи. Как нам представляется, в подобных случаях ученые стремятся найти ответы на

вызовы своего времени, полагая, что таковые уже были сформулированы в рамках иного исторического хронотопа. Мыслители прошлого в таком случае предстают в образе пророков, которые предвидели не только будущее, ставшее для нас актуальным настоящим, но и прочертили абрис концептуального пространства, содержащего в себе возможные выходы из тупиков развития современной цивилизации. Внешняя парадоксальность такой установки, тем не менее, ни в коей мере не отменяет ее наличия в глубинных пластах предубеждений гуманитарного научного сообщества. Важно подчеркнуть, что такое видение взаимодействия с прошлым имеет двойственный характер. С одной стороны, оно может привести к существенным искажениям картины прошлого, проявляющим себя в результатах исторических исследований различных феноменов культуры (искусства, науки, философии, религии). О. Воскобойников довольно точно формулирует вопросы, ответы на которые отнюдь не представляются очевидными: «Что видели средневековые люди под сорокаметровыми сводами соборов, там, где средневековый дух, в прямом и переносном смысле, достигал своих высот? Не вчитываем ли мы, современные зрители и читатели, новые смыслы и значения в те символы, которые наши давние предки не могли различить из-за слабости зрения или образования, а то и просто из-за отсутствия интереса?»². Заметим, что постановка вопросов в подобной редакции подразумевается той парадигмой исследования средневековой культуры, которая возникает в связи с изменениями исследовательской оптики. Среди наиболее значимых авторов, работы которых напрямую способствовали этому процессу стоит назвать, прежде всего, Э. Панофски, Э. Гомбриха, Р. Рехта. Неизбежная трансформация основополагающих представлений, а также способов получения знания о тех или иных историко-культурных феноменах, начало которой можно отнести к концу прошлого столетия, привела и к возникновению новых направлений саморефлексии научного сообщества. Исследование пласта «неявного знания», которое формирует «видимое», «очевидное», не подвергаемое сомнению и лежащее в основании научного дискурса, оказывается в этом случае необходимым условием получения адекватного исторического описания. С другой стороны, анализ современных исследовательских программ дает чрезвычайно важный материал для философского осмысления проблем, связанных с «вписыванием» современности в исторический контекст, масштабированием происходящих сегодня транс-

формаций, изменением соотношения актуального исследования и футурологии.

Между тем, возникновение феномена «нового Средневековья» было предсказано Н. А. Бердяевым в работе с одноименным названием, вышедшей в свет в 1924 году. Стоит отметить, что и Бердяев не был первооткрывателем переосмысления средневековой культуры в ее проекции к современному состоянию общества, достаточно вспомнить немецкий романтизм или викторианство. Однако именно у Бердяева Средневековье становится метафорой будущего, которую он всеми силами стремится избавить от негативных коннотаций. В начале своей работы он прямо заявляет: «Эпоху нашу я условно обозначу как конец новой истории и начало *нового средневековья*. Я не предсказываю, каким путем необходимо пойдет история, в хочу лишь проблематически начертать *идеальные черты и тенденции нового типа общества и культуры (курсив наш. – Е. И.)*»³. С точки зрения провиденциализма Бердяева ощущение кризиса, которым было проникнуто начало XX в., подталкивает к таким аналогиям с прошлым, которые оказываются совершенно неправомерными. Широко распространенное во множестве философских и публицистических сочинений сравнение современности с наступлением варварства на античный мир представляется ему заблуждением. «Тогда, – пишет Бердяев, – был закат культуры несоизмеримо более высокой, чем культура нового времени, чем цивилизация XIX века»⁴. На смену хаосу, врывающемуся в античный космос, постепенно приходит Средневековье, принося с собой личность в таком понимании, которое не противопоставляет ее всеобщему, универсальному, но, напротив, задает основания ее возникновения. «Личность была сильнее и ярче в средние века»⁵, – замечает он. Обращаясь к истокам индивидуализма, Бердяев не жалеет красок для переписывания образа ренессансного гуманизма: «Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышенным»⁶. Если подходить к рассуждениям Бердяева с формальной стороны, то кажется, что его целью является поменять полярность стереотипных представлений об Средневековье и Ренессансе, сложившихся и прочно укорененных в европейской культуре. В самом деле, у него происходит поражающая воображение инверсия «темного» Средневековья и «светлого» Ренессанса. Однако намного более важным оказывается выявление тех спе-

цифических черт обеих эпох, которые совершенно иначе, нежели прежде представляются философу из нового исторического контекста. С одной стороны, Бердяев констатирует, что индивидуализм, ставший идеалом, благодаря ренессансной установке, нашел свое воплощение в капиталистическом обществе. В этой идее нет ничего новаторского, она хорошо известна и почти бесспорна. Но Бердяев полагает, что индивидуализм проявляет себя в современности, независимо от политических режимов и экономических укладов. Внешне представляющийся качественно иным социалистический проект, реализующийся в советской России, по мнению Бердяева, нисколько не противостоит капитализму в понимании личности. Социализм отрицает универсалистскую идею, приводя к «атомистическому распаду» общества. Такой универсализм в понимании истории оказывается у Бердяева отправной точкой в формулировке ключевой проблемы современного ему общества. Нарушение истинной иерархии, предполагающей подчинение материального духовному началу, становится для Бердяева тем вызовом, ответ на который предполагает возможность обретения состояния «нового Средневековья». «Разоблачение» и «обнажение» природы и последствий ренессансного гуманизма, лежащего в основании наличного состояния общества, необходимы Бердяеву для восстановления средневековых представлений, которые, разумеется, становятся авторской интерпретацией нового общественного идеала. Очищенное, практически порвавшее связь с историческим источником, «новое Средневековье» становится тем образом, который наиболее полно отражает бердяевские представления о возможном (но, как он подчеркивает, вовсе не обязательном, неизбежном) будущем. Иначе говоря, Бердяев, переосмысливая сложившийся культурный образ исторической эпохи, отталкиваясь от него, формулирует ... новый образ Средневековья.

Между тем, идея истинного «иерархизма», которая является несущей конструкцией этого нового образа, оказывается невероятно актуальной сегодня. В размышлениях о специфике эпохи «цифровой революции» деиерархизация оказывается, пожалуй, одной из наиболее бесспорных, признаваемых большинством ученых и философов маркеров современности. Стремительный распад тех концептуальных каркасов, которые более или менее надежно стягивали социальное и культурное пространство, происходящий буквально у нас на глазах, побуждает к размышлениям о возможных сце-

нариях дальнейшего развития общества столкнувшегося с новыми вызовами. Именно тревожащий призрак «беспрецедентности», а значит принципиального отсутствия возможных исторических аналогий, которые в переломные моменты становились основанием для восстановления преемственности, в конце XX в. привели к возрождению образа «нового Средневековья». В работе с красноречивым названием «Средние века уже начались» У. Эко писал: «С недавнего времени с разных сторон начали говорить о нашей эпохе как о новом Средневековье. Встает вопрос, идет ли речь о пророчестве или о констатации факта»⁷. За этим, как мы видим, не слишком новым «новым Средневековьем» скрывалось несколько любопытных сюжетов. Как известно, Эко был сторонником антипрогрессизма. «Прогрессом навыворот» он называл те процессы, которые были запущены в европейской истории после падения Берлинской стены. «В третьем тысячелетии мы стали вытанцовывать еще больше обратных па»⁸. Эко точно подмечал некоторые архаические черты современной повседневности, которые еще совсем недавно казались безвозвратно канувшими в бездну истории. Для него наступление «нового Средневековья» было возвращением к тем практикам, которые оказываются замаскированными, упакованными в новации, но по сути своей оказываются неизменными. Популярность «Нового Средневековья» как направления философских размышлений конца прошлого – начала нынешнего века при всей разнонаправленности составляющих его позиций отражают одну тенденцию, которая представляется нам исключительно важной и в определенном смысле действительно беспрецедентной. Речь идет о трансформации представлений о времени, являющихся фундаментом понимания исторического процесса. Трудно не согласиться с точным наблюдением А. Бадью, отмечающим, что «...сегодня практически полностью отсутствует мысль о времени. Послезавтра совершенно абстрактно, а позавчера непостижимо почти для всех. Мы вступили во вне-временной, моментный период; время – это не то, что делит на части индивидуальный опыт, время – это конструкт, причем, по всей вероятности, политический»⁹. В отличие от ушедшего в историю XX в., стремившегося создать образ будущего, управлять им, так или иначе, конструировать его, а значит – обрести власть над временем, современность перестает мыслить свое бытие в подобных категориях. В связи с

этим обращение к образам прошлого, в частности, конституирование образа Средневековья, вне зависимости от приписываемых ему коннотаций, представляет собой один из способов саморефлексии гуманитарной и философской мысли современности.

¹ Эксле О. Г. Действительность и знание : очерки социальной истории Средневековья. – Москва : Новое лит. обозрение, 2007. – С. 315.

² Воскобойников О. С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. – Москва : Новое лит. обозрение, 2015. – С. 23.

³ Бердяев Н. А. Новое средневековье // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. – Москва : ЛИГА : Искусство, 1994. – Т. 1. – С. 408.

⁴ Там же. – С. 411.

⁵ Там же. – С. 417.

⁶ Там же. – С. 414.

⁷ Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 258.

⁸ Эко У. Полный назад! – Москва : Астрель : CORPUS, 2012. – С. 13.

⁹ Бадью А. Век. – Москва : Логос, проект lettera.org, 2016. – С. 132–133.